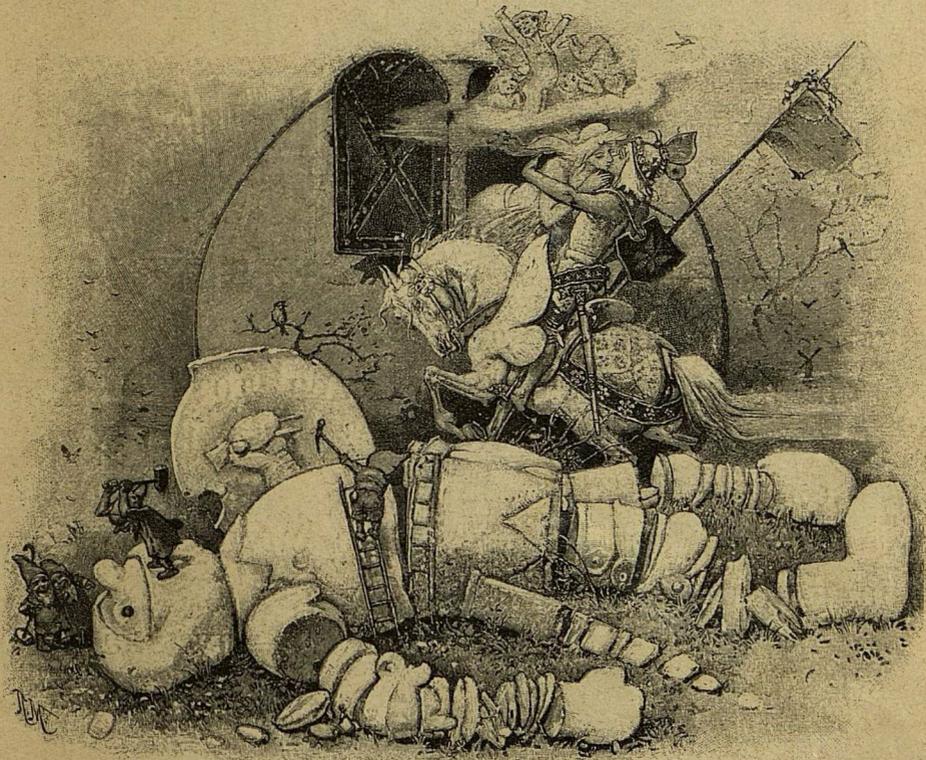

Свѣтлячокъ

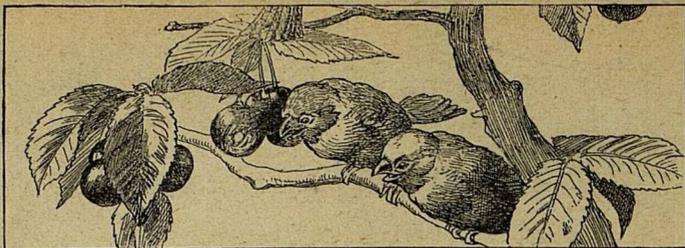
1905 г. ◦ ГОДЪ IV. ◦ № 9

ВЕСЕННЯЯ СКАЗОЧКА.

Въ замкъ лютаго Мороза
Заперта была Весна...
Рыцарь Май примчалъ съ угрозой,
И побѣда—рѣшена!.

Къ замку—рыцарь: стукъ въ оконце...
— „Здравствуй, милая сестра!..
„Сгибъ Морозы!.. Ликуетъ солнце,
„И на волю намъ пора!“...

На новыя квартиры.

(Окончаніе. См. № 8).

КАКЪ-ТО разъ садовникъ Экимась привелъ на чердакъ двоихъ дѣтей, и тѣ дивились и смѣялись надъ хитростью горлинки.

— Что, Экимась, — говорили они старику, — вѣдь отняли у тебя куртку птицы.

— Отняли и то, — смѣялся тотъ, — а все отъ васъ, ребятъ, хоронятся, да все не знаютъ, гдѣ бы понадежнѣе спрятать свое гнѣздо съ птенцами... Ну, идемте. А то спугнемъ птицу, она и покинетъ гнѣздо...

«Ужасно умный человекъ, — думала горлинка. — Навѣрно, онъ тоже когда-нибудь былъ птицей»...

Садовникъ Экимась не только самъ не тревожилъ птенцовъ и дѣтямъ не позволялъ тревожить ихъ, — нѣтъ, онъ даже дверь на чердакъ заколотилъ.

И горлинки благополучно вывели и воспитали птенцовъ и улетѣли съ чердака.

Но синичка чуть, было, не кончила бѣдой... Дѣло въ томъ, что какъ-то утромъ на чердакъ забѣжалъ хозяйскій понтеръ Омляшъ и съ лаемъ набросился на гнѣздо...

Это былъ добродушный песъ, и не со злобы, просто съ озорства набросился онъ на гнѣздо.

Но синички перепугались страшно. Съ разинутыми клювами, взъерошивъ перья, бросились на собаку, стали бить ее крылышками по глазамъ...

Омляшъ оторопѣлъ даже... Этакая мелюзга, а туда же,—хорохорится!.. Но потомъ онъ сообразилъ, что здѣсь не игрушка, сталъ пятиться назадъ и, наконецъ, скрылся за дверью...

Синички едва отдышались; но и получасу не прошло, какъ на лѣстницѣ слышались шаги, и на чердакъ вошелъ,—кто бы вы думали? — да самъ человѣкъ.

Синички обезпамятѣли отъ страха... О, Боже!.. Только этого еще недоставало!.. Съ человѣкомъ не съ собакой... не такъ-то легко управишься; къ тому же за человѣкомъ вбѣжалъ еще одинъ человѣкъ, но маленькій, ростомъ не больше сапога старшаго человѣка. Понтеръ тащилъ охотника за полу поддевки...

— Эге-ге-ге!.. — сказалъ охотникъ. — Молодецъ Омляшъ! А ну-ка—пиль ихъ!..

Синички замерли въ ужасѣ...

Но Омляшъ теперь понялъ все; онъ жалобно взвизгнулъ и забился въ ноги охотнику.

— Однако, какъ эти малыши хорошо устроились въ моемъ ботикѣ!—сказалъ охотникъ.

— Папа, а зачѣмъ онѣ здѣсь?—спросилъ маленькій человѣкъ.

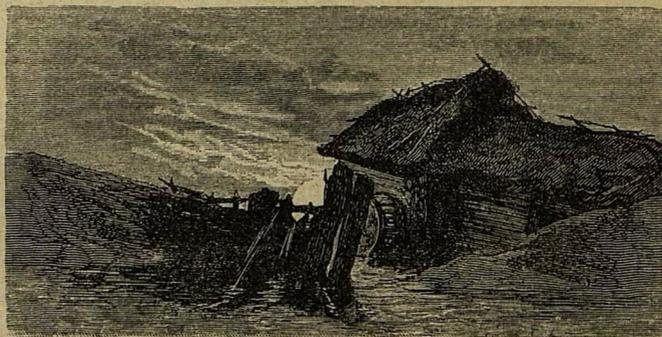
— Да тревожатъ ихъ вездѣ, несчастныя птицы и не знаютъ, гдѣ бы имъ поспокойнѣе мѣсто найти... Ну, пойдѣмъ отсюда, а то спугнемъ птицъ.

И страшная компанія чудовищъ ушла...

Синички свободно перевели духъ, а одна изъ нихъ сказала:

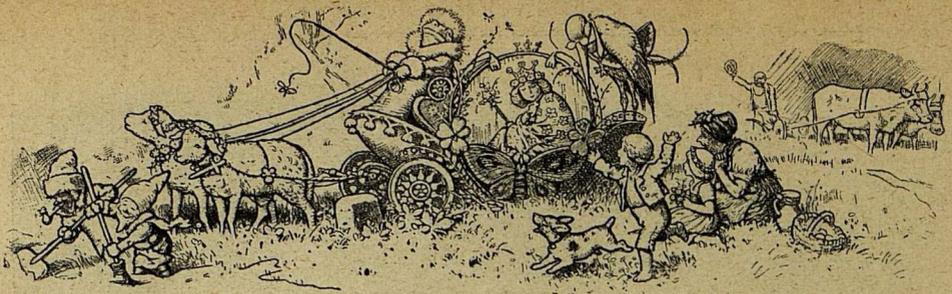
— Ужъ навѣрно и этотъ человѣкъ раньше тоже былъ птицей,—онъ такъ хорошо понялъ насъ и не тронулъ нашего убогаго гнѣздышка.

А. Федоровъ-Давыдовъ.

„Съ добрымъ утромъ, капризница!“...

Весна пожаловала!..

СОЛНЦЕ нѣжно землѣ улыбнулось,
Выходя на свободу изъ тучъ;
Съ легкимъ вздохомъ окрестность проснулась,—
Пробудилъ ее солнечный лучь...
Жить зимою и скучно, и плохо...

Спать вся жизнь... Но теперь не до сна:
Въ фаэтонѣ изъ створокъ гороха
Прикатила царевна-Весна...

Вмѣсто рѣзвыхъ коней—два барашка,
Лягушонокъ на козлахъ сидить...

Всѣхъ увѣдомить каждая пташка
Звонкой пѣсней о гостѣ спѣшить...

И костюмы въ порядокъ приводятъ
Стрекоза и жуки на парадъ;

Блескъ на ящерицъ щеткой наводятъ;
Красятъ заново всѣхъ лягушатъ;

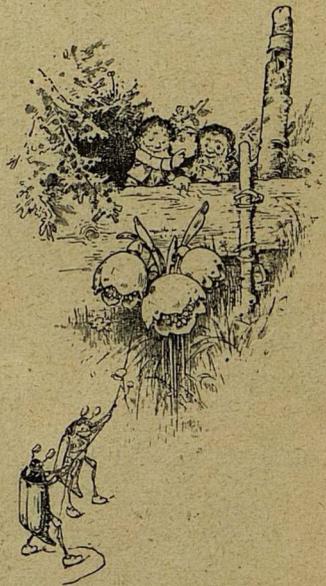
Пудрятъ бабочекъ пестрою пылью;
Причесалась пчела гребешкомъ,

И старательно глядятъ надкрылья
Саранчѣ и сверчку утюгомъ.

Нынче ночью Весна пригласила
Въ гости къ ней заглянуть на
лужокъ...

Воструби, комариная сила!..

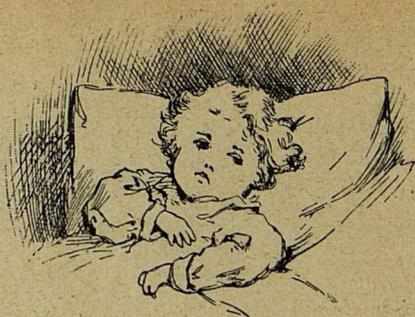
Зажигай свой фонарь, свѣтлячокъ!..

Къ весеннему празнику!..

Бѣглянка.

Въ Петербургѣ, на одной изъ отдаленныхъ улицъ, живутъ мать съ двѣнадцатилѣтней дочерью. Мать души не чаетъ въ своей Сашѣ; для нея она только и живетъ, и работаетъ. А работать надо много, чтобы содержать и себя, и дочь. Саша посѣщаетъ гимназію и каждый день ѣздитъ туда въ дилижансѣ, который ходитъ по нѣскольку разъ въ день отъ Казанскаго собора до ихъ улицы.

Только какъ-то въ началѣ зимы стала мать замѣчать, что Саша совсѣмъ не готовитъ уроковъ.

— Саша, — сказала она, — ты совсѣмъ за последнее время уроковъ не учишь. Что съ тобою?

— Ахъ, мамочка, пожалуйста, не беспокойся... Я все уже приготовила на завтра...

Но на другой день Саша въ третьемъ часу, какъ всегда, не вернулась; явился же посыльный и подалъ записку Сашиной матери.

Дрожащими руками развернула мать записку и прочла слѣдующее:

«Милая мамочка, цѣлую недѣлю я была очень дурной дѣвочкой. Я не готовила уроковъ и получила три единицы. А вчера, когда ты меня спросила, я тебя обманула... Мнѣ такъ стыдно теперь... Воротиться къ тебѣ я не могу и уже больше не вернусь. Прощай, мамочка, прости меня. Твоя Саша».

Ужась охватила бѣдную женщину, она всѣмъ растерялась и не знала, что дѣлать.

На счастье, одинъ ея знакомый вызвался тотчасъ же отправиться въ школу, и разузнать тамъ обо всемъ.

Въ тревогѣ, не находя себѣ мѣста, провела бѣдная женщина этотъ вечеръ. Только вдругъ, около десяти часовъ вечера, ей слышались по двору скорые, хорошо знакомые шаги... Вотъ они уже на лѣстницѣ, около двери; въ передней послышался робкій звонокъ. Мать бросилась отворять и увидѣла Сашу.

— Мамочка, какъ я рада, что пришла къ тебѣ!.. Ахъ, мамочка, мамочка!..

Дѣвочка бросилась къ матери и спрятала лицо у нея на груди, такая усталая, измученная. Она хотѣла еще что-то сказать, но не могла и заплакала, вздрагивая всѣмъ тѣломъ. А обрадованная мать тихо и нѣжно гладила рукой ея волосы.

Долго плакала Саша... Наконецъ, рыданія ея мало-по-малу стихли, и тогда мать стала осторожно и ласково спрашивать ее.

— Ахъ, мамочка, если бы ты все знала!.. Какъ только я вчера тебѣ солгала про уроки, такъ сейчасъ же и рѣшила въ школу больше не ходить и домой не возвращаться.

— Да какъ же ты устроиться хотѣла?

— А я думала, что на улицѣ... Днемъ я бы все по улицамъ ходила... Шубка на мнѣ теплая, а погода теперь такая тихая... А если прозябну, можно въ пассажъ зайти. вмѣсто обѣда рѣшила я каждый день по трехкопеечной булкѣ покупать. Одной булки мнѣ было бы совсѣмъ довольно, мамочка!.. Изъ твоихъ денегъ у меня оставалось тридцать пять копеекъ... Вотъ я и прожила бы нѣсколько дней...

— А потомъ?

— Потомъ... не знаю, я не думала...

— А ночью? Гдѣ ты думала ночевать?

— А я раньше всего это обдумала... Какъ только станетъ темно, рѣшила я ходить на желѣзную дорогу, за вокзалъ, гдѣ никого нѣтъ и много-много вагоновъ стоитъ... Всѣ они пустые и никуда не ходятъ... Влѣзть въ какой-нибудь вагонъ и ночевать до утра... Ну, вотъ, какъ только смерклось, я и пошла, и далеко за-

шла туда, за вокзалъ... Вижу, никого нѣтъ, а въ сторонѣ вагоны стоятъ... «Вотъ, думаю, заберусь въ одинъ изъ нихъ, и никто меня не увидитъ»... Вдругъ ко мнѣ сторожъ подходитъ...

— «Куда лѣзешь?! — кричитъ. — Я тебѣ задамъ!»

Испугалась я, услышавъ это, соскочила и бросилась отъ него бѣжать. Ахъ, мамочка, такъ я испугалась, такъ испугалась!.. Иду, а сердце такъ и бьется... Воротилась на улицу, хожу, и вдругъ вижу: большой домъ каменный строится. Двери и окна досками забиты, а кругомъ заборъ... Темно и никого нѣтъ. Вошла я въ переулокъ и отыскала дверь; хоть и заколочена она досками, а пролѣзть можно. Я и полѣзла прямо, какъ въ яму... Потомъ стала ощупью по стѣнѣ въ уголь пробираться, а тамъ доски свалены, кирпичи... «Вотъ, думаю, тутъ я и переночую на доскахъ». Легла я и вдругъ слышу, кто-то около тихо разговариваетъ... Приподнялась я и слышу, что говорятъ въ самомъ углу, и точно чьи-то глаза на меня оттуда смотрятъ... Испугалась я, вскочила и побѣжала оттуда сломя голову.

Вышла на улицу, вижу, народъ ходить, фонари горять, а который часъ, — не знаю... Иду мимо Гостиного двора и совсѣмъ плачу.

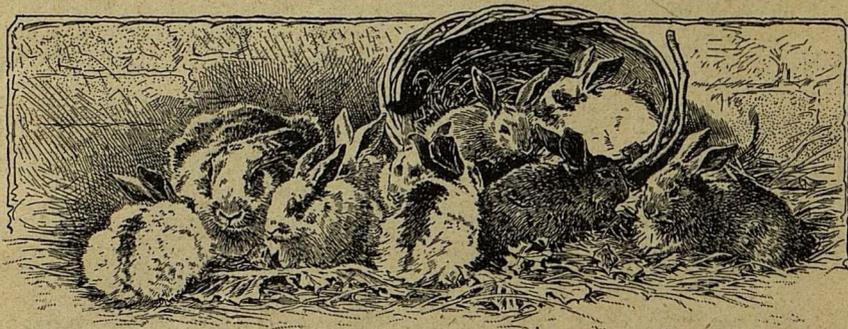
И вдругъ, гляжу, около Казанскаго собора стоитъ нашъ дилижансъ и въ послѣдній разъ въ нашу сторону отправляться хочетъ...

«Ахъ, думаю, поѣду я лучше къ мамочкѣ!»... Съла я... И такъ теперь рада, что къ тебѣ воротилась!.. Никогда я тебя больше обманывать не буду и учиться буду хорошо... Ахъ, мамочка!.. Вотъ жутко-то безъ тебя было!..

— Да зачѣмъ ты уйти отъ меня задумала?..

— Мамочка, милая, до вчерашняго дня я и не думала бросать тебя, а вчера, какъ солгала тебѣ, такъ и рѣшилась... А теперь я такъ рада, такъ рада, что домой пришла и что ты опять со мною!.. Милая ты моя мамочка!..

Л. Черскій.

Пріятная компанія.

Робинзонъ пропалъ!..

(Продолженіе. См. № 8).

ДЕРЕВЯША, какъ самый настоящій корабликъ, подплыль къ берегу и даже головой стукнулся о сушу. Медленно выбрались наши путешественники на сушу, но въ

какомъ ужасномъ видѣ!.. Вода струями стекала съ нихъ, но хорошо, что хоть до берега добрались. Хуже было то, что вдругъ со стороны раздался дикій визгъ и крикъ, и съ горки сбѣжали къ нимъ маленькія куколки-арапчики. Это былъ народъ крѣпкій, вродѣ Деревяши. Всѣ онѣ были на винтикахъ, а клею и въ поминѣ не было.

Живо окружили арапчики нашихъ друзей съ гамомъ, съ визгомъ, съ пискомъ и силой потащили къ себѣ въ деревушку, которая помѣщалась на холмигѣ. Самъ король Тили-Тукъ и принцъ Тили-Лукъ встрѣтили ихъ у околицы.

— Идите за мной! — сказалъ плѣнникамъ король. — Мы васъ сожжемъ.

— Король Тили-Тукъ, — важно замѣтилъ Бимъ-Бомъ, — это намъ не нравится.

— Въ такомъ случаѣ, мы можемъ зарыть васъ въ землю, — нашелся королевичъ Тили-Лукъ.

— Королевичъ Тили-Лукъ, — еще важнѣе произнесъ Бимъ-Бомъ, — неужели вы находите это болѣе интереснымъ?

— Тогда вы можете остаться жить, — задумчиво произнесъ король Тили-Тукъ; — мнѣ все равно. Но зато Пупся должна стать моею женою, а

Кри-Кри выйдетъ замужъ за королевича.

Кри-Кри сказала только: — „Ахъ!“ — и упала въ обморокъ.

— Мы не уполномочены отъ „дѣтской“ рѣшать такіе вопросы, — сказалъ Бимъ-Бомъ. — Пупся куплена нашей хозяйкой за 5 рублей, а Кри-Кри даже за 10 рублей...

— А за цѣлую коробку арапчиковъ платятъ рубль шесть гривенъ! — не удержался Деревяша и испортилъ все дѣло.

— Связать его мочалкой! — приказалъ Тили-Тили-Тукъ, потомъ сталъ на колѣни передъ Пупсей и подаль ей корону.

— О, Пупся, — сказалъ онъ, — хотите-ли вы быть королевою?

— Король, — начала Пупся, — сколько бываетъ васъ въ коробкѣ?

— Тридцать шесть штукъ.

— Куда же вы дѣнете меня?.. Но я согласна, отпустите только на волю моихъ друзей...

Вонъ она какая Пуися-то была! Вотъ это кукла, такъ кукла!..

Но Деревяша спроста опять испортилъ все дѣло.

— Негодный!..— завопилъ онъ.— Да знаешь ли ты, что у Пуиси и у Кри-Кри настоящія, небьющіяся фарфоровыя головы?.. Зна-

ешь ли ты, что руки у нихъ изъ чудной, бѣлой лайки?.. Понимаешь ли ты, что у нихъ приклеены настоящіе волосы, не то

что у тебя, чумазаго, у котораго вмѣсто волосъ приклеена гофренная мочала. И ты притворяешься, будто ты изъ чернаго дерева. Шалишь, братъ, изъ одной березы-то насъ съ тобой строгали, сдѣлай милость; только тебя потомъ сажей выкрасили, потому что береза была сырая, и ты треснулъ!..

Батюшки, что тутъ поднялось!.. Дикари обрружили куколокъ, стали грозить имъ пиками, стрѣлами, начали съ угрозой кричать на нихъ!.. Вотъ когда попались, бѣдные куклолки!..

Чернуша.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОТЪШНАЯ СТРАНИЧКА.

Загадка.

Я загадалъ загадку Зинѣ:

„Сидѣли какъ-то на лозинѣ

„Шесть лягушатъ,—приползъ седьмой,

„Ну, сколько же теперь ихъ стало?“...

Подумавъ, Зина отвѣчала:

— „Да—ни одной!“...

Скажите, почему такъ мало?

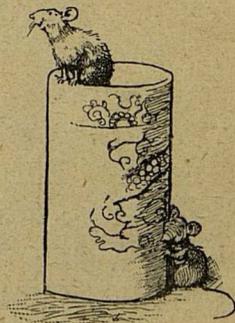
Задача.

Попробуйте переставить

а	а	о
о	с	к
м	м	с

буквы такъ, чтобы по клѣт-
камъ можно было прочесть
три слова: 1) Рыба. 2) На-
сѣкомое. 3) Цвѣтокъ.

(Рѣшенія—въ слѣдующей книжкѣ).

Весна!.. И день такой хо-
рошій!..

Цыплята водятъ хороводъ...
Изъ норки вылѣзъ даже кротъ
И бьетъ отъ радости въ ла-
доши.

